

Март вступил в свои права, и вместе с ним в мир пришло тепло. Воздух, ещё недавно колючий и студёный, наполнился терпкими весенними ароматами — пахло талой землёй, набухающими почками и свежей, изумрудной травой, что пробивалась сквозь прошлогоднюю листву. Птицы, обезумев от солнца, заливались на все голоса, и даже городской шум, казалось, отступил под этим натиском пробуждающейся жизни.

Су Муцин не оставила своих попыток покорить неприступную крепость по имени Гу Хэнчжи. Но, обжегшись на прямых и бесхитростных атаках, она, как опытный полководец, пересмотрела стратегию. Отныне её тактика напоминала не штурм крепостных стен, а медленное, неумолимое течение подземных вод — она решила просочиться в его жизнь исподволь, стать для него чем-то привычным и неизбежным, как дыхание. А для этого следовало сперва втереться в доверие к его ближайшему окружению.

Объектом номер один, разумеется, стал Шэнь Шаоянь. При всей своей показной взбалмошности и любви к драматическим эффектам, Шэнь Шаоянь был на удивление простодушен и отходчив. Су Муцин, виртуозно владевшая искусством светской беседы, без труда подобрала нужные слова. Несколько умело вставленных комплиментов, пара сочувственных взглядов — и Шэнь Шаоянь, забыв о прошлых обидах, распахнул перед ней двери в их тесный, почти семейный кружок.

Лу Юй, наблюдая за этим стремительным сближением, лишь криво усмехался, а после и вовсе предложил переименовать приятеля в Шэня Простодушного — настолько легко тот поддавался на нехитрые уловки.

Весна манила на улицу, и баскетбольная площадка, ещё недавно пустовавшая, теперь гудела с утра до вечера. Цзи Линьсюэ, как обычно, оставался в стороне от игры, но с некоторых пор его одиночество на скамейке запасных разделяла Су Муцин.

Она приносила с собой пакеты с водой и в перерывах между таймами, сияя белозубой улыбкой, бросалась раздавать бутылки разгорячённым игрокам. Парни, разомлевшие от солнца и движения, принимали угощение с благодарностью, а кто-то из острых на язык не преминул подколоть приятеля:

— Хэн-гэ, спасибо тебе за щедрость! Мы тут просто пользуемся твоей популярностью!

Гу Хэнчжи, не удостоив шутника даже взглядом, демонстративно обошёл Су Муцин стороной и направился напрямиком к Цзи Линьсюэ.

— А моя вода где? — спросил он, остановившись прямо перед ним.

Цзи Линьсюэ поднял голову, и в его глазах мелькнуло недоумение.

— Я не брал для тебя, — честно признался он.

Гу Хэнчжи, словно не слыша его слов, спокойно взял стоявшую рядом с ним бутылку и, не прилагая видимых усилий, открутил крышку.

— Это моя, — только и успел вымолвить Цзи Линьсюэ, как Гу Хэнчжи уже припал к горлышку и сделал несколько жадных глотков. Остаток фразы так и застрял у него в горле.

Су Муцин, наблюдавшая за этой сценой со стороны, с трудом удержала на лице подобие улыбки. Пальцы её, сжимавшие пластиковую бутылку, побелели от напряжения — казалось, ещё мгновение, и она просто раздавит её в лепёшку.

— На! — рывкнула она, с силой сунув бутылку в руки подошедшему Шэнь Шаояню.

Тот уже открыл рот, собираясь отпустить одну из своих привычных шуточек, но, взглянув на перекошенное от злости лицо Су Муцин, благоразумно прикусил язык.

С этого дня Цзи Линьсюэ совершенно неожиданно для себя превратился в живой щит для Гу Хэнчжи. Стоило Су Муцин появиться поблизости, как Гу Хэнчжи тотчас же оказывался рядом с ним, используя его как удобный предлог, чтобы избежать нежелательного общения.

Результат не заставил себя ждать: отношение Су Муцин к Цзи Линьсюэ стремительно ухудшалось. Теперь при встрече она даже не пыталась скрывать свою неприязнь и одаривала его откровенно недобрыми, колючими взглядами.

Впрочем, Цзи Линьсюэ это нисколько не трогало. Последние дни он был поглощён совсем иными мыслями. Где-то на периферии сознания, словно заноза, засело тревожное предчувствие: он лихорадочно пытался вспомнить детали сюжета оригинальной книги, потому что вдруг отчётливо осознал — до того самого события, переломного момента в жизни Гу Хэнчжи, остались считанные дни.

В книге упоминалось, что это произошло во втором семестре первого класса старшей школы. Конкретной даты не называлось, но по всем признакам это должно было случиться со дня на день, может быть, даже сегодня.

Жизнь, однако, текла своим чередом, равнодушная к его тревогам. В четверг на уроке классный руководитель Чэнь, сияя улыбкой, объявил радостную новость: на выходных школа организует традиционную весеннюю вылазку на природу. Все должны были собраться у главных ворот в пятницу после уроков.

В Дэинь каждую весну устраивали подобные мероприятия, и ученики всегда ждали их с нетерпением, как манны небесной. На этот раз эмоции били через край: все радостно суетились, сбивались в кучки, обсуждали детали и, конечно, собирали вещи.

Цзи Линьсюэ с неподдельным изумлением наблюдал, как Шэнь Шаоянь утрамбовывает уже

второй огромный чемодан. Заметив его недоумённый взгляд, тот, ничуть не смущаясь, счёл нужным пояснить:

— Мы там будем жить целых два дня! Целых два! — воскликнул он, жестикулируя с таким жаром, будто речь шла о кругосветном путешествии. — В пятницу после уроков выезжаем, возвращаемся в воскресенье после обеда. Так что нужно брать сменную одежду, ну и вообще... мало ли что?

— Я понимаю, — перебил его Цзи Линьсюэ, всё ещё хмуря брови. — Но зачем тебе столько совершенно ненужных вещей?

Он указал подбородком на очаровательного плюшевого кролика с огромными, невинными, как у младенца, глазами, который бесстыдно выглядывал из-под вороха разноцветных футболок.

Шэнь Шаоянь мгновенно залился краской — от корней волос до кончиков ушей — и в панике заметался, прикрывая игрушку всем, что попадалось под руку.

— Тебе показалось! — выпалил он, торопливо запихивая кролика на самое дно чемодана. — Ты ничего не видел! Понял? Ни-че-го!

— Что-то знакомое, — лениво протянул Лу Юй, до этого молча наблюдавший за этой комичной сценой. — Кажется, подарок одной из его бесчисленных бывших. Спит с ним с тех пор, как получил. Уже привычка, знаешь ли, — в его голосе слышалась едва уловимая усмешка.

Когда Лу Юй, закончив сборы, вышел из комнаты, Шэнь Шаоянь бережно извлёк злополучного кролика на свет и, обиженно надув губы, пробормотал себе под нос:

— Это ты, между прочим, мне его выиграл в тот раз в парке аттракционов. А теперь ещё и ябедничаешь.

— Что ты там бормочешь? — раздался вдруг у него за спиной спокойный, чуть насмешливый голос.

Шэнь Шаоянь вздрогнул, словно его застали за чем-то неприличным, и поспешно зашвырнул игрушку обратно.

— А ты когда вернулся? — спросил он, оборачиваясь и стараясь придать лицу беззаботное выражение.

Гу Хэнчжи стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и смотрел на него с лёгким любопытством.

— Я и не уходил, — спокойно ответил он.

Понимая, что друг явился не просто так, Шэнь Шаоянь, недолго думая, галантно выдвинул для него стул, приглашая сесть.

— Хочу спросить тебя кое о чём, — начал Гу Хэнчжи, опускаясь на стул.

Глаза Шэнь Шаояня загорелись нездоровым предвкушением.

— О любви? — выпалил он, не в силах сдержать любопытства.

Гу Хэнчжи медленно прищурился, и в этом взгляде читалась вполне конкретная, нешуточная угроза.

— Не о том, о чём ты подумал, — отрезал он ледяным тоном.

— Скучота, — разочарованно вздохнул Шэнь Шаоянь, теряя к разговору всякий интерес. — А я уж думал, наша старая сухая ветка наконец-то решила зацвести. А ты опять со своими загадками.

Гу Хэнчжи промолчал, и Шэнь Шаоянь, не выдержав затянувшейся паузы, нетерпеливо спросил:

— Ну? О ком тогда?

— Я пришёл спрашивать, а не давать тебе повод для сплетен и кривотолков, — отрезал Гу Хэнчжи, давая понять, что разговор будет вестись на его условиях.

— Так спрашивай уже, не томи! — взмолился Шэнь Шаоянь, чувствуя себя глубоко несчастным и одновременно заинтригованным.

Гу Хэнчжи и сам не знал, как облечь в слова то, что его мучило последние дни.

Перед его мысленным взором снова и снова, как навязчивый кадр из старой киноленты, возникал образ этого парня — спокойный, невозмутимый, с прямой, как струна, спиной. Цзи Линьсюэ напоминал ему молодой, гибкий бамбук, что растёт на склоне горы: кажется, холодный и отстранённый, а присмотришься — и увидишь внутри удивительную теплоту и внутренний свет.

Цзи Линьсюэ был особенным. Это Гу Хэнчжи понимал отчётливо, хотя и не мог бы объяснить, в чём именно заключалась эта особенность.

После долгого, тягучего, как патока, молчания он наконец произнёс:

— Почему человек может испытывать неприязнь с первой же секунды знакомства? С чего бы?

— Неприязнь? — Шэнь Шаоянь, не успев включить мозг, ляпнул первое, что пришло в голову:
— Хэн-гэ, ты наконец-то осознал, какой ты невыносимый? Поздравляю! Это первый шаг к исцелению!

Гу Хэнчжи медленно сжал пальцы в кулак, и в тишине отчётливо хрустнули суставы.

Шэнь Шаоянь мгновенно стусевался, сдупся, как проколотый воздушный шарик, и заговорил уже серьёзно, старательно подбирая слова:

— Причин может быть масса, — начал он, загибая пальцы. — Первое впечатление, например. Или он мог слышать о тебе что-то раньше, и у него сложилось предвзятое мнение. Может, кто-то наговорил с три короба? Или внешность не понравилась? Люди вообще странные, знаешь ли.

Гу Хэнчжи задумался. Он не считал, что совершил в жизни что-то настолько ужасное, чтобы заслуживать всеобщей ненависти. Да и репутация у него в школе была, скажем так, неоднозначной, но до откровенного изгоя он не дотягивал. А Цзи Линьсюэ... Этот парень вообще, казалось, жил в каком-то своём, параллельном мире: книги, задачи, никаких сравнений с другими, ко всем относился ровно и одинаково, словно всех измерил одной мерой.

Так почему же такой спокойный, уравновешенный, словно вода, способная принять любую форму и наполнить любой сосуд, человек с первой же секунды проникся к нему такой откровенной, почти осязаемой неприязнью?

С какой целью он вообще к нему приближался? Что ему было нужно?

Заметив, что Гу Хэнчжи погрузился в глубокую, непроглядную задумчивость, Шэнь Шаоянь ободряюще хлопнул его по плечу.

— Не беда, если тебя кто-то невзлюбил! — воскликнул он с пафосом заправского мотивационного оратора. — Главное — не сдаваться! Бери пример с меня — иди напролом, забей на всё и всех, и рано или поздно добьёшься своего! Я в тебя верю, Хэн-гэ!

Уголок рта Гу Хэнчжи дёрнулся в нервном тике.

— Я не испытываю к нему романтических чувств, — отрезал он, давая понять, что разговор окончен.

Даже если бы Цзи Линьсюэ был девушкой, он бы и тогда не... Хотя, стоп. Он вообще об этом не

думал. Никогда. Просто обычный сосед по комнате. Не более того. Обычный, ничем не примечательный сосед.

Шэнь Шаоянь, разумеется, и не подозревал, что речь идёт о парне. Он по привычке, не задумываясь, решил, что Гу Хэнчжи имеет в виду какую-то таинственную незнакомку, и с удвоенным энтузиазмом воскликнул:

— Сдаваться нельзя! Я помогу! Как твой личный любовный стратег, я просто обязан... Эй, Хэнгэ, ты куда? Не уходи! Мы же только начали!

Пятница пролетела незаметно, как одно мгновение. После уроков все ученики, словно муравьи перед дождём, засуетились, собираясь у главных ворот. Автобусы, выстроившись в ряд, терпеливо ждали, урча моторами.

Места распределили по классам, и каждый автобус вместил ровно столько, сколько нужно.

Цзи Линьсюэ сидел у окна, рядом примостился Шэнь Шаоянь, уже успевший растерять половину своего энтузиазма. Сзади, как стражи, расположились Гу Хэнчжи и Лу Юй. Дорога предстояла неблизкая, и Шэнь Шаоянь, поначалу ещё пытавшийся что-то оживлённо рассказывать, довольно скоро сдался на милость убаюкивающего, монотонного гула мотора и крепко уснул, привалившись головой к окну.

Цзи Линьсюэ отвернулся к стеклу. За ним проплывали, сменяя друг друга, однообразные пейзажи: высотные здания, стекло и бетон, постепенно уступали место плоским, безжизненным равнинам, поросшим редким кустарником. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багрово-золотые тона, и когда на землю опустились густые, как чернила, сумерки, они наконец добрались до места назначения.

Пунктом назначения оказался загородный спа-отель с термальными источниками. Он был утоплен в зелени вековых деревьев, окружён безупречным, словно с картинки, ландшафтным дизайном и дышал дорогим, респектабельным спокойствием.

Номера распределяли по спискам — по два человека в комнате, как в общежитии. Однако когда они подошли к стойке регистрации, администратор с безупречной, отточенной до автоматизма улыбкой проводила их не к обычному двухместному номеру, а к роскошным апартаментам на верхнем этаже.

Цзи Линьсюэ перевёл недоумённый взгляд с ключ-карты в своей руке на сияющую администратора и честно признался:

— Вы, кажется, ошиблись. Это не наш номер.

Администратор сохранила на лице всё ту же безупречно вежливую, чуть отстранённую улыбку.

— Здравствуйте, всё верно, — пропела она мелодичным голосом, не терпящим возражений.

Шэнь Шаоянь, довольно усмехнувшись, фамильярно хлопнул опешившего Цзи Линьсюэ по плечу.

— Ты что, не знал? — спросил он с таким видом, будто открывал ему великую тайну. — Этот отель принадлежит семье Гу. Всё схвачено, не парься.

Цзи Линьсюэ перевёл взгляд на Гу Хэнчжи. Тот, сохраняя на лице полную, невозмутимую, словно у каменного изваяния, маску, распахнул дверь в апартаменты и бросил через плечо:

— Хочешь всю ночь в коридоре простоять? Мечтаешь о встрече с привидениями?

— Нет-нет, что ты! — Шэнь Шаоянь, схватив свои неподъёмные чемоданы, поспешно втиснулся внутрь, едва не сбив с ног Лу Юя. — Я после этой дороги еле живой, мне отлёживаться надо, а не по коридорам шастать.

Апартаменты поражали воображение. Огромная гостиная, плавно перетекающая в столовую, четыре отдельные спальни, два этажа, соединённые изящной винтовой лестницей. На первом этаже обнаружился отдельный тренажёрный зал и домашний кинотеатр с мягкими, уютными креслами и огромным экраном. На втором их ждала полуоткрытая терраса, с которой открывался захватывающий дух вид на подсвеченный разноцветными огнями сад внизу — настоящий райский уголок.

Шэнь Шаоянь, недолго думая, с криками «Champagne!» занял самую большую комнату наверху. Лу Юй, пожав плечами, поселился рядом. Цзи Линьсюэ и Гу Хэнчжи, бросив жребий взглядами, остались на первом этаже.

Когда с распределением комнат было покончено, все разошлись — кто в душ, кто разбирать вещи, кто просто рухнуть на кровать без сил. Цзи Линьсюэ, выходя с террасы, на мгновение задержался и бросил беглый взгляд в сад. Ему показалось, или в сгущающихся сумерках там мелькнула смутно знакомая фигурка?

Он не стал забивать себе голову пустыми фантазиями. Вернулся в комнату, принял расслабляющий, горячий душ и, едва коснувшись головой прохладной, накрахмаленной подушки, провалился в глубокий, блаженный сон без сновидений.

Утром, едва он успел продрать глаза, в групповом чате раздалось уведомление от учителя: завтрак в главной столовой. Завтрак оказался самым обычным, почти домашним — дымящиеся паровые булочки с сочной мясной начинкой, хрустящие, золотистые полоски хвороста, тягучее, сладкое соевое молоко в керамических пиалах. А после завтрака, едва все успели переварить съеденное, началась организованная развлекательная программа.

Сначала — перетягивание каната, от которого у всех разгорелись ладони. Потом — бег на трёх ногах, где все путались и падали, заливаясь смехом. Третий конкурс оказался куда интереснее: учитель, таинственно улыбаясь, объявил, что спрятал по всему огромному саду маленькие коробочки-сейфы с драгоценными очками, и объявил начало настоящей охоты за сокровищами. Кто найдёт — тому и очки. А в конце, по сумме набранных баллов, можно будет выменять их на призы.

Шэнь Шаоянь, полный энтузиазма и азарта, рванул с места, едва учитель успел договорить последнее слово, заодно утащив за собой в качестве заложника вяло сопротивляющегося Лу Юя.

Цзи Линьсюэ остался стоять на месте, наблюдая, как его одноклассники врассыпную разбегаются по саду. Он повернулся к стоящему рядом человеку.

— А ты не пойдёшь искать сокровища? — спросил он без особого интереса.

Гу Хэнчжи, лениво прислонившись к могучему стволу старого дуба, слушал музыку в наушниках, отгородившись от мира.

— Скучно, — лениво бросил он, даже не вынимая одного наушника. — Не хочу.

Цзи Линьсюэ не стал его уговаривать и, не спеша, словно фланируя по парку, направился в глубь сада.

Сад оказался огромным, настоящим лабиринтом из густо растущих деревьев, кустарников и извилистых дорожек. Зайдя внутрь, почти невозможно было встретить кого-то из других учеников — все двести с лишним человек, ищущие, бегущие, смеющиеся, бесследно растворились в этой буйной, первозданной зелени, как капли дождя, упавшие в океан.

Цзи Линьсюэ побродил немного, прислушиваясь к пению птиц и шороху листвы под ногами, и наконец заметил на ветке невысокого, корявого дерева заветную, блестящую на солнце коробочку. Он уже привстал на цыпочки, чтобы достать её, как вдруг сзади раздался мягкий, чистый, как колокольчик, детский голосок:

— Дяденька, а что это вы тут делаете?

Цзи Линьсюэ вздрогнул от неожиданности, обернулся и замер, сжимая в руке только что добытый трофей. Прямо перед ним, задрав голову и смотря на него с нескрываемым, наивным любопытством, стоял Гу Цзыси.

Значит, вчера ему не показалось. Гу Цзыси действительно был здесь.

— А ты как тут оказался? — спросил Цзи Линьсюэ, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Мама меня привезла, — честно, по-детски просто ответил мальчик и добавил с важным видом: — Сказала, отдыхать будем. Вон там, в большом доме.

Цзи Линьсюэ, уже сделавший шаг ему навстречу, на мгновение замер.

— И мама твоя тоже здесь?

— Мама в бассейн пошла, — Гу Цзыси сморщил носик. — В горячий такой. Сказала, чтобы я здесь играл и никуда не уходил.

Что ж, охрана в отеле была серьёзная, попасть внутрь могли только постояльцы, да и камеры видеонаблюдения висели, кажется, на каждом углу. Линь Мусинь могла позволить себе оставить сына одного, ненадолго.

— Дяденька, ты не ответил, — напомнил Гу Цзыси, указывая пальчиком на коробочку в руках Цзи Линьсюэ. — Что это такое? Это сокровище?

— Игрушка для игры, — пояснил Цзи Линьсюэ, пряча коробочку в карман. — Мы ищем такие коробочки. Кто больше найдёт, тот и победит.

— Понятно, — серьёзно кивнул мальчик и вдруг, достав из-за спины точно такую же, блестящую коробочку, радостно засиял. — А я тоже одну нашёл! Смотри! А мой брат здесь? Он тоже играет? Почему он не с тобой? — Глаза его при этом горели таким неподдельным, почти болезненным ожиданием, что у Цзи Линьсюэ защемило сердце.

Он не стал объяснять, что Гу Хэнчжи считает эту игру слишком детской и, скорее всего, просто прохлаждается где-то в сторонке, слушая музыку и делая вид, что его всё это не касается. Он коротко ответил:

— Он отдыхает снаружи.

Гу Цзыси потупил взгляд и принялся нервно тереть крышечку коробочки.

— Тогда... может, ты передашь ему её? — спросил он, с надеждой заглядывая Цзи Линьсюэ в глаза. — Мне она всё равно ни к чему, а ему, может, пригодится? Для игры? Скажи, что это я нашёл... для него...

Цзи Линьсюэ посмотрел на него сверху вниз, в его огромные, влажные от непролитых слёз глаза, и в груди у него что-то привычно, но всё ещё болезненно сжалось.

— Если хочешь отдать — отдай сам, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал мягко, но твёрдо.

Гу Цзыси покачал головой, и на его пухлых губках появилась горькая, совсем недетская складка.

— Он не захочет меня видеть, — прошептал он, и голос его дрогнул. — Я не хочу злить брата. Он всегда злится, когда я рядом. Лучше ты отдай, ладно? Пожалуйста.

<http://bllate.org/book/16531/1569353>